деньги [возмет много есть, а более того хлеба][1] разплюет, а досталь[2] собакам[3] за окно вымечют или на кровлю выкинут. А из старины словут Вандышевы-Переславцы. А промыслу у них никакова нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик и обаищик и ведомой воришко".

И судии спрашивали Осетра: „Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про нево ведаешь". И Осетр, стоячи, молвил: „Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду: знают Ерша на Москве князи, и бояря и всяких чинов люди, толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сором не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которос[ти]...[4] б... сына назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал".

А Сом-воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: „Право, он прямой человек, ведомой вор, мне он не одно зло учинил — брата моего болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся. А когда брат мой болшей Сом вверх по Волге реке шел, и тот Ершь Щетина — ябедник и бездушник, встретил ево, брата моево, и почал с ним говорить, а в тое время брата моего неводом обкидали и з детьми, а тот Ерш стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?». И брат мой спроста молвил: «Я де вижу Волгу с вершины и до устия». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что́ у тебя за хвостом». А в те поры брата моево и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор — Ершь Щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли, да обухами и з детми прибили. И Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор".

И судии вправду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать и выдали Лещу с товарищи Ерша Щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Леща и повернулся к Лещу хвостом, а сам почал говорить: „Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста". И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины что лютые рогатины или стрелы, нельзе

---

[1] *В У вместо текста в скобках* половину их розмечут, а другую.

[2] *В У вставлено* выльют под ноги да есть.

[3] *Здесь оканчивается список У.*

[4] *Далее в рукописи недостает двух листов; взамен утраченного текста вставляем соответствующее место из списка собрания Буслаева (ГПБ, О. XVII. 57), первой четверти XVIII века, напечатанного В. П. Адриановой-Перетц (ук. соч., стр. 149—150)* к Ростовскому озеру и рекам жирым жировать, а тот Ерш встретился со мною на устье Ростовского озера и назвал меня братом. А я лукавства ево не ведал, а спрошать было некова про нево, лихова человека. И он меня спрашал: куды де ты идеш, братец Осетр? И я ему сказал, иду де я к Ростовскому озеру, к рекам жирым жировать [*здесь пропуск, восполняемый списком Забелина № 536 (ГИМ), XVIII века.* И, братец де Осетр, не ходи сюда. Как де я шол из Волги реки рекою Которостью], стоил де я тебя, братец, поболе и пошире твоих бока мои терлися о Которость реки, з береги на берег, а очи мои были полныя чаши, а хвост мой был как большова судна парус, сорок саженей. А ныне ты, братец, видиш и сам [*пропуск; в списке Забелина № 536* каков я], иду ис того Ростовского озера. И я ево послушал, на ево лесные слова пался.